

КОНФЕРЕНЦИЯ

А. Н. Старицын

ПРОСОПОГРАФИЯ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ ВРЕМЕН ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ XVII в.

Северная деревня имеет богатую историографическую традицию и всесторонне изучена

[Богословский; Бакланова; Витов; Ефименко; Колесников, 1971; Колесников, 1976; Копанев, 1978; Копанев, 1984; Огризко; Островская; Швейковская]. Тщательному изучению подверглась церковная жизнь северных территорий в XVII в. [Верюжский; Греков; Иванов; Перов; Покровский; Прилежаев; Пулькин, Захарова, Жуков; Юшков]. Тем не менее вопрос о распространении церковных нововведений на Севере остался вне поля зрения большинства исследователей. Лишь в работе П. С. Стефановича, посвященной церковному приходу, предпринимается попытка взглянуть на церковное реформаторство с точки зрения изменений народной религиозности [Стефанович, с. 297]. Ученый подходит к вопросу с укоренившейся в научной литературе (с подачи профессоров духовных академий) позиции, изначально утверждая, что распространялись староверческие идеи, а не наоборот. Несмотря на это, выводы и наблюдения, сделанные автором, заслуживают внимания. Говоря о протестах против нововведений, П. С. Стефанович разделяет случаи единодушного отказа от новых обрядов на основе разрыва с действующей церковью и случаи конфликтов внутри церковной организации между приходом и клиром [Стефанович, с. 302–307]. Основываясь на незначительном числе обнаруженных им в источниках примеров решительного противостояния приходской общины церковной власти, исследователь заключает, что они были не типичны [Стефанович, с. 302]. Однако случаи столкновений (в связи с введением новых обрядов) приходской общины с духовенством были распространены более широко. На Русском Севере, как замечает ученый, подобные протесты происходили повсеместно, так как здесь сохранились традиции мирского самоуправления [Стефанович, с. 107]. Примечательный вывод в связи с этим делает П. С. Стефанович о церковном приходе, расценивая его как конформистскую структуру, неготовую «выпасть из сферы влияния официальных догм и воздействия власти и, главное, не через приход в основном получал выражение народный религиозный протест» [Стефанович, с. 303–304]. Предлагаемый для публикации подбор документов позволяет коснуться этой темы еще раз.

В Музейном собрании Отдела рукописей Российской государственной библиотеки в двух картонах собраны дела с 1556 по 1768 г., которые связаны между собой общей

территорией, а именно относятся к Печниковской, Красноляжской и Лядинской волостям Каргопольского уезда. Второй половиной XVII в. датируются 4 документа, имеющие отношение к Печниковской волости: поручная, мировая и поступная записи крестьян и грамота новгородского митрополита. Наиболее интересным документом является митрополичья грамота, содержащая информацию о внедрении реформированного обряда в сельской округе и о позиции, занятой приходской общиной. Отношение крестьянского мира к церковным нововведениям — один из важных для понимания проблемы церковного раскола вопросов. Грамота, посланная в Каргополь от имени новгородского митрополита в июле 1667 г., позволяет проанализировать ситуацию на местах, в частности в приходе церкви Козьмы и Дамиана Печниковской волости Каргопольского уезда. Другие документы, являющиеся, по всей видимости, частью волостного архива, помогают уточнить имена некоторых участников разгоревшегося конфликта и взглянуть на их повседневную жизнь.

В 1666 г. козьмодемьянский священник Семен и церковный староста Григорий Корнилов пожаловались каргопольскому поповскому старосте рождественскому священнику Ивану Семенову на дьячка Данилу Мартемьянова, обвинив его в двоеженстве, то есть в повторном браке. Иван Семенов поверил голословному обвинению и приказал отстранить дьячка от должности. Несмотря на все усилия церковного старосты Григория Корнилова, дьячок продолжал исполнять свои обязанности по-прежнему. К еще большему неудовольствию священника Семена прихожане переизбрали церковного старосту, заменив Григория Корнилова крестьянином той же Печниковской волости деревни Кивакинской Фомой¹ Ефимовым. Конфликтующие стороны уживались в одном храме до весны 1667 г. Проходящий в это время в Москве Большой церковный собор (1666—1667 г.) разрушил хрупкий мир. По решению Собора напечатанные при патриархе Никоне новоисправленные служебники были признаны обязательными для употребления при богослужении во всех епархиях [Чумичева, с. 681]². Исполнение соборного решения легло на плечи епархиального начальства. На местах этим занимались поповские старосты.

На первой неделе Великого поста 1667 г. каргопольский поповский староста Иван Семенов прислал в Печниковскую волость к волостному старосте Евдокиму Васильеву и ко всем волостным крестьянам память, в которой велел козьмодемьянскому священнику Семену служить по новоисправленным служебникам. В церкви Козьмы и Дамиана не было новоисправленных книг. Но Семен имел свой собственный, купленный им на свои деньги, новоисправленный служебник. И со второй недели Великого поста он начал служить по-новому. По этой причине дьячок Данила Мартемьянов перестал приходить в церковь и не появлялся до Светлой седмицы. Своим примером он увлек часть прихожан поступить так же. Его поддержали новый церковный староста Фома Ефимов с братом Андреем Ефимовым, Прохор Михайлов Колупаев, Дмитрий Иванов Черепанов, Афанасий Черепанов, Иван Моисеев, Анкиндин Федоров. Вероятно, они предпринимали попытки подрядить нового священника вместо о. Семена. Поиски нового кандидата на место священника скоро увенчались успехом. При одобрении большинства прихожан Фомка Ефимов на Цветной неделе Великого поста перед вечерней службой не дал служить попу Семену и от церкви отказал. Поп Семен уехал в Каргополь жаловаться поповскому старосте накануне понедельника Страстной седмицы. В его отсутствие вечерню и в понедельник заутреню и часы служил новоподрядный поп Василий Агапитов по старому служебнику. Семен вернулся с памятью от старосты, в которой подтверждалось его полномочия. Он начал служить павечерню

¹ Полное имя восстанавливается на основании мировой записи посельщиков Красноляжской волости, где упоминается Фома Ефимов (см.: РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Карт. 10985. № 8. Л. 1).

² Собор начался в феврале 1666 г., и принятые на этом этапе решения нашли отражение в специальном документе, озаглавленном «Наставление благочиния церковного» (см.: Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 35 об. — 48 об.).

в трапезе. Пономарь перенес книги из трапезы в церковь и запер двери, а ключ у него забрал Фома Ефимов и держал у себя до среды Страстной седмицы. Однако не все прихожане отказались посещать церковь и сначала протестовали против действий дьячка Данилы, а затем недовольные в лице волостного сборщика Фочки³ Козмина пожаловались поповскому старосте на церковного старосту Фому Ефимова, который отобрал у пономаря ключи от церкви. Поповский староста послал в Печниковскую волость новую память, в которой приказал церковному старосте вернуть ключ пономарю, а в церкви служить о. Семену. Крестьяне повиновались, но, по словам о. Семена, не пустили его в свои дома, когда он на Светлой седмице ходил с образами по волости, собирая себе подарки. Обо всем происшедшем о. Семен, недовольный потерей дохода, донес в Москву новгородскому митрополиту. Начался сыск. Были допрошены о. Семен и о. Василий, пономарь Агафон Гаврилов; приказано прислать в Москву челобитчика и поповского старосту, которого отстранили от должности, а также допросить всех упомянутых в деле крестьян. Результаты сыска неизвестны⁴.

Данные каргопольской просопографии предоставляют возможность познакомиться поближе с фигурантами дела и лучше понять мотивы их поступков. Трудно определить, кому была послана грамота. В тексте адресат не указан, но обращение во множественном числе и фрагменты записей на обороте 1-го листа (по нашему предположению, здесь был написан адрес) позволяют высказать мнение, что это была комиссия, состоящая, по крайней мере, из двух лиц. Упоминание в адресе Строкиной пустыни наводит на мысль, что одним из членов комиссии был игумен каргопольского Спасо-Преображенского монастыря (Строкиной пустыни) Евфимий. Именно он впоследствии заменил Ивана Семенова в должности поповского старосты. Новые служебники появились в каргопольских церквях только в 1670 г. при игумене Евфимии⁵. Но сам он сочувствовал старому обряду и укрывал у себя в монастыре беглых соловецких монахов (см. подробнее: [Старицын, 2007, с. 103; Старицын, 2010, с. 76]).

В 1658–1667 г. должность каргопольского поповского старосты исполнял священник Христорождественского собора Иван Семенов Кимлянинов. Судя по тому, что во время его старощенья богослужение в сельских приходах совершалось по старому русскому обряду, он не был сторонником нововведений. Скорее всего, как и большинство русских священников, Иван Семенов дорожил своим местом и пытался удержаться на нем, несмотря на неприязненное отношение к проводимой церковной реформе. Отсюда его неуверенные действия при самовольной перемене священника крестьянами. Он был способен лишь на то, чтобы без рассуждения выполнять распоряжения священноначалия.

После своей отставки от должности поповского старосты он продолжал служить в Христорождественском соборе и после смерти 11 ноября 1684 г. был похоронен перед соборной алтарной стеной [Шереметевский, с. 339].

Относительно козьмодемьянского священника Семена нельзя высказаться однозначно, так как неизвестно даже его отчество. Как правило, священники подготавливали своих сыновей к будущей профессии. Предшественник Семена в 1648 г. поп Павел Варламов не имел сыновей, поэтому на смену ему (или ввиду смерти, или вдовства, или по истечении срока найма) печниковцы пригласили бывшего дьячка из соседней Ловзунской волости Мартына Прокопьева⁶. В 1651–1656 г. Мартын фигурирует в качестве козьмодемьянского священника⁷. Сыновья Мартына Прокопьева Данила (1639 г. р.) и Степан (1641 г. р.) были еще слишком молоды, чтобы заменить

³ Затруднительно восстановить полное имя. Уменьшительная форма имени «Фочка» употреблялась для Фомы, Афанасия, Агафона.

⁴ РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Карт. 10973. № 48. Л. 1–8.

⁵ СПбИИ РАН. Ф. 171. III. № 166. Л. 249.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 108 об., 119 об.

⁷ НАРК. Ф. 27. Оп. 9. Д. 1/1. Л. 118 об.; РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Карт. 10985. № 7. Л. 1 об.

отца, когда по опять же неизвестным причинам (либо смерть, либо вдовство, либо истечение срока найма) пришлось искать замену ему на стороне. Как видим, Семен не был уроженцем Печниковской волости, но, скорее всего, являлся потомственным представителем священнической профессии. Если следовать логике рассуждения и выбирать его отца из священников, имевших сына Семена, то в переписной книге 1648 г. родитель печниковского попа Семена значился священником церкви Происхождения честных древ Креста Господня из волости Почезеро. Его имя Василий Яковлев, он проживал в деревне Филипповской на церковной земле вместе с взрослым сыном Семеном и братом Федотом Яковлевым⁸.

Священники нанимались миром на определенный срок, что оговаривалось в особом документе — порядной записи. В этом же документе прописывались условия, при которых священник мог быть отрешен от прихода, а также определялись размеры вознаграждения за исполнение священником различных церковных треб [Богословский, т. 2, с. 29].

Случай, произошедший с о. Семеном, уникальный, так как недовольство крестьян вызвало не пренебрежение священника своими обязанностями, а, наоборот, его стремление послушно исполнить распоряжения священноначалия. Налицо принципиально различное отношение к традиции церковного богослужения, с одной стороны, независимого, самодостаточного крестьянского мира, с другой — находящегося в подчиненном положении перед вышестоящим церковным начальством священника. Суть конфликта в том, как стороны смотрят на проблему. Для крестьян незыблемость веками устоявшихся церковных обрядов очевидна и священна, и они готовы отстаивать свою позицию. Для священника, который выступает в роли наемника, мнение мира, нанявшего его, имеет большое значение, но перевешивает боязнь потерять священнический сан, что находится целиком в руках священноначалия. Оказавшись в сложной ситуации — между миром и начальством, священник выбирает меньшее зло — лучше потерять место, чем лишиться профессии, то есть средств к пропитанию. Поэтому он не задумывается над справедливостью приказов, спускаемых сверху, и готов служить и по старым, и по новым службникам, лишь бы получать доход. П. С. Стефанович справедливо видит в подобном конфликте столкновение церковного реформаторства с традиционной народной культурой. По его мнению, приходское духовенство, которое поддерживало новые веяния и пыталось проводить официальную политику, наталкивалось на сопротивление или отчуждение со стороны мирян [Стефанович, с. 309]. Следует уточнить, что не официальная политика вызывала отторжение, а только те действия, в которых крестьяне видели разрушение традиционной культуры.

Возмутитель спокойствия дьячок Данила Мартемьянов, но нашему предположению, был сыном бывшего в Печниковской церкви до Семена священника Мартына⁹ Прокопьева, о котором сказано выше. Этим объясняются его напряженные отношения с новым священником Семеном, в котором он, возможно, видел чужака, занявшего его место.

Положение священника, как и любого причетника, было зависимым от прихода, в котором значительную роль играл выборный церковный староста. Выдвинутый из крестьянской среды церковный староста выражал настроение большинства прихожан.

Прежнего церковного старосту Григория Корнилова помимо попа Семена поддерживал только крестьянин деревни Лисицынской Максим Гаврилов сын Петухов¹⁰, поэтому неудивительно, что его вскоре заменили на Фому Ефимова. Большинство прихожан, таким образом, выразило сочувствие дьячку Даниле в его конфликте со священником.

Братья нового церковного старосты Фомы Ефимова Андрей, названный в грамоте, и Федор, отмеченный в переписной книге 1648 г., вместе с крестьянами других деревень:

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 384.

⁹ В переписных книгах XVII в. имена Мартемьян и Мартын нередко взаимозаменялись.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 115.

Олеховской — Дмитрием и Афанасием Черепановыми, Иваном Моисеевым, Красниковской — Прокопием и Емельяном Михайловыми Колупаевыми и др. — выразили свое недоверие церковным нововведениям, отказав священнику от места. Представители местной администрации волостной староста, уроженец деревни Красниковской, Евдоким Васильев сын Илехов и волостной сборщик Фока Козмин сын Берсенев¹¹ заняли более сдержанную позицию. Чем ближе стояли люди к властным структурам, тем больший отклик находили у них правительственные инициативы. Печниковская волость, по наблюдению М. М. Богословского, была выделена из Краснояжской [Богословский, т. 1, приложение, с. 11]. Это произошло в связи с образованием нового церковного прихода. В мировой записи от 1669 г. между двумя волостями крестьяне так и разделяют себя по принадлежности к приходу: краснояжцы — к пречистенскому, а печниковцы — к козьмодемьянскому¹². В 1648 г. Печниковскую волость составляли деревни Олеховская, Стрельковская, Огневская, Кивакинская, Лисицынская, Красниковская, Ватаманово¹³. Козьмодемьянская церковь была поставлена за мирской счет на тяглой земле деревни Олеховской, и крестьяне осознавали себя в ней полноправными хозяевами.

Конфликтная ситуация, сложившаяся в Козьмодемьянской церкви в 1666 г. и развившаяся в 1667 г., иллюстрирует особенности существования церковного прихода на Севере. Крестьянская община полностью контролировала церковную жизнь в своем приходе. Вопросы строительства храма, найма или выбора священника и других членов причта, а также их отрешения от должности решались крестьянами самостоятельно. От епархиального архиерея требовалось только формально утвердить мирской выбор [Богословский, т. 2, с. 27; Копанев, 1984, с. 32].

Замену о. Семену прихожане нашли в Кенорецкой волости. Приглашенный крестьянами священник Василий Агапитов оказался сыном пятницкого попа Агапита Фомина, который в 1648 г. проживал в деревне Ивановской на церковной земле в одном дворе вместе с шестью взрослыми сыновьями¹⁴. В отсутствие о. Семена о. Василий служил по настоянию нанявших его козьмодемьянских прихожан по старому служебнику только один день — в понедельник Страстной седмицы. Когда о. Семен вернулся с памятью от поповского старосты, о. Василий не осмелился с ним спорить и сам отправился в Каргополь за разрешением ходить на Светлой седмице по домам с иконами. Разрешение от поповского старосты он получил. Но о. Семен попытался опередить его и обошел дома своих прихожан раньше о. Василия, чтобы забрать весь доход себе. Тогда крестьяне просто не открыли перед ним свои двери.

Ни крестьянский мир, ни единомышленный с ним о. Василий не решились пойти на открытое сопротивление церковным властям. Они действовали в рамках норм обычного права и еще не были готовы, как было замечено П. С. Стефановичем, «выпасть из сферы... воздействия власти» [Стефанович, с. 304]. Протестные настроения выразились в пассивной форме — в отказе посещать богослужения, совершавшиеся по-новому, в недопущении в свои дома священника, служащего по-новому. Однако крестьяне проявили способность критически оценить распоряжения священноначалия и выразить свое отношение к неправильным, на их взгляд, решениям.

Здесь уместно вернуться к выводу, сделанному П. С. Стефановичем, что не через приход получал выражение народный религиозный протест [Стефанович, с. 304]. В нашем случае протестует против нововведений именно приходская община, которая совпадала с волостной организацией. Очевидно, что как раз ввиду отмеченного П. С. Стефановичем конформизма, присущего приходу как традиционной организации, неприятие реформированного обряда

¹¹ РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Карт. 10985. №. 7. Л. 1.

¹² Там же. № 8. Л. 1.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 168. Л. 109 об. — 116.

¹⁴ Там же. Л. 346.

проявилось в первую очередь через приход. Это обстоятельство вызвало закономерную реакцию правительства, выразившуюся в стремлении целиком подчинить приход церковным властям¹⁵. Одновременно шел процесс разрушения земской организации, что в совокупности привело несогласных с реформой (в данном случае крестьян) к поискам других форм и возможностей выразить свой религиозный протест. В предложенном контексте можно развить сохраняющий свое значение вывод П. С. Стефановича. Недовольство прихожан — это первое, с чем сталкивались реформаторы на начальной стадии распространения реформы. В дальнейшем, с укреплением системы контроля над соблюдением новой обрядности и применения репрессивных мер, выразить протест через приход стало невозможно.

Литература

- Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.
- Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1; М., 1912. Т. 2.
- Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. Церковно-исторический очерк. СПб., 1908.
- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1960. Т. IV: Новгородский Дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины).
- Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. М., 1884. Вып. I: Обычное право.
- Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI—XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.
- Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1971.
- Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.
- Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
- Огризко Э. А. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М., 1968.
- Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913.
- Перов И. Ф. Епархиальные учреждения в Русской церкви в XVI—XVII вв. Рязань, 1882.
- Прилежаев Е. М. Новгородская Софийская казна. М., 1875.
- Покровский И. М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1897. Т. I: XVI—XVII в.
- Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999.
- Старицын А. Н. Между Соловками и Выгом // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Т. I. С. 100—108.
- Старицын А. Н. Сказание о игумене Евфимии. Рядом со святостью // Церковь в истории России. М., 2010. Сб. 9. С. 71—89.
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002.
- Чумичева О. В. Большой Московский Собор 1666—1667 гг. // ПЭ. М., 2002. Т. V. С. 679—684.
- Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.
- Шереметевский В. Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.
- Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. СПб., 1913.

¹⁵ Борьба с приходской самостоятельностью на Севере отмечалась многими исследователями. См., например: [Верюжский, с. 142—186; Богословский, т. 2, с. 46].